

Арбахан Магомедов

Россия и мусульманский вопрос: испытание исламофобией
(второе введение).

Стремительное возрастание роли ислама во всём мире сопровождается с не менее стремительной эскалацией исламофобии на Западе. При этом весьма влиятельные сегменты политического класса России начали подражать западной исламофобии. Это подражание, не встретив серьёзного сопротивления по мере своего нарастания, вылилось в 2004г. в настоящую антиисламскую истерию.

В своих ключевых чертах сегодня можно выделить три разновидности исламофобии:

- 1) антиисламское единомыслие большинства российских СМИ и публичных политиков;
- 2) академическая исламофобия;
- 3) экспертная исламобоязнь политтехнологов.

Настоящий разгул антимусульманской политики большинства **СМИ**, в которых использовались самые несдержанные и оскорбительные характеристики, начался после событий 11 сентября 2001г., а затем бесланской трагедии в России.

Книга итальянской журналистки Орианы Фаллачи “Ярость и гордость”, написанная сразу же после событий 11 сентября 2001г., стала исступлённым антимусульманским манифестом Запада. В этой книге автор всю свою ненависть адресует исламу и исламскому миру, а всю нежность и гордость—миру западному. Фаллачи призывает к одному: к безусловной и беспощадной борьбе с исламом. Московские издательские круги сделали всё, чтобы эта книга попала к российскому читателю: в 2004г. книга вышла в издательстве “Вагриус”.¹

Цепкость антиисламского единомыслия поистине поразительна. Нынешний антимусульманский кураж напоминает атмосферу антикоммунистической “охоты на ведьм” начала 1990-х гг. Так, следуя своему антикоммунистическому синдрому, Маргарет Тэтчер в 2002г. назвала исламизм “новым большевизмом”.² Иные авторы соотносят исламизм с фашизмом, как это сделал американский исследователь Даниэль Пайпс, чью статью “Современный фашизм” опубликовала газета “Московский комсомолец”.³ В этом же ряду стоят распространённые на Западе мнения о схожести исламизма с нацизмом, с которыми российского читателя познакомил Алексей Малашенко.

Что касается России, то большинство информационных каналов, включая государственные, стали частью антиисламского фронта. Характерным поступком такого рода стала выходка известного телеведущего Владимира Познера осенью 2004г. После показа на канале ОРТ его передачи “Времена”, посвящённой проблемам исламского экстремизма в Европе,⁴ некоторые представители исламского духовенства России даже обвинили 1-й канал в преднамеренной антимусульманской политике. Причиной обвинения стал предложенный Познером тезис о необходимости ужесточить подход к исламистам вообще и к мусульманам, живущим в Европе, в частности.

Национальная организация русских мусульман (НОРМ) распространила специальное заявление, в котором прозвучал призыв к властям России “самым серьёзным образом

¹ См.: “Независимая газета”. 2004. 16 декабря. С.6.

² А. Малашенко. Исламизм на все времена// Свободная мысль-XXI. 2004. №12. С.19.

³ “Московский комсомолец”. 2004. 18 июня.

⁴ Речь шла о дискуссии, развернувшейся вокруг убийства по религиозным мотивам известного голландского режиссёра Тео Ван Гога, негативно относившегося к мусульманской диаспоре Европы.

пересмотреть информационную политику государственных каналов телевидения в отношении ислама”.⁵

Вряд ли можно полностью согласиться с излишне резким комментарием председателя Исламского комитета Гейдара Джемала о том, что происходящая сегодня “демонизация ислама” есть “концептуальная установка политического класса России”.⁶ Однако очевидно то, что антимусульманская информационная политика превратилась в важнейший пункт повестки дня влиятельной части российского истеблишмента. Составляющие эту часть правящей верхушки политические кланы, бизнес-группы и медиа-корпорации продвигают откровенно антиисламскую политику в России. Типичный пример подобной политики—случай, когда после событий 11 сентября 2001г. один из думских депутатов СПС обратился к правоохранительным органам с призывом провести проверку всех российских мусульман на предмет их возможных связей с Бен Ладеном.⁷

При этом любая попытка по сдерживанию антимусульманских кампаний, также как всякие промусульманские настроения, преподносятся такими кругами как “ваххабитская угроза” или попустительство терроризму. Как будет показано в дальнейшем, подобное обвинение превратилось почти в безотказный приём подавления политического оппонента, в т.ч. и во взаимоотношениях между мусульманскими организациями. Так, после того, как в Казани в октябре 2001г. состоялся 1,5-тысячный митинг под антизападными лозунгами (в знак протеста против военной операции США в Афганистане), “Независимая газета” заявила о существовании в России “нескольких десятков тысяч ваххабитов”, которые “могут предпринять попытку захвата власти в такой республике, как Татарстан”, если власти не “вмешаются в мусульманские дела”.⁸

Несмотря на сенсационные названия и сомнительную репутацию, такой подход продолжает утверждать себя и в академической среде. Здесь, пожалуй, всех перещеголял бывший советник Ельцина Эмиль Паин, выступивший с предположением о том, что за сделкой о продаже “Юганскнефтегаза” стоит международный терроризм со своим финансовым могуществом.⁹ Ни для кого не секрет, что понятие “международный терроризм” стало целенаправленно приравниваться к “исламскому терроризму”.

Вообще-то в Москве привыкли больше декларировать, чем пояснять, будь то Кремль или экспертные группировки. При этом снобистское рвение московской интеллектуальной тусовки часто превосходит как разрекламированные ими знания, так и элементарное чувство меры. У таких людей мало интеллектуальных мотивов в отношении изучения российского ислама. Они относятся к исламу и России так, будто усматривают своё призвание в изучении противника.¹⁰

⁵ “НГ – Религии”. 2004. 1 декабря. С.3.

⁶ Там же.

⁷ См.: Д. Глинский. Мусульмане России: обретение политической субъектности// Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. М., 2002. №2 (39). С.21-22.

⁸ Там же. С.21.

⁹ “Независимая газета”. 2004. 22 декабря. С.2.

¹⁰ Описанная тенденция лучше всего выражена фразой “Началось нечто плохое”. Данной фразой озаглавлена статья в газете “Лос-Анджелес таймс” выдающегося рок-музыканта Кэта Стивенса, больше известного на Западе как “Мистер Ислам”. Он так описывает свои злоключения, связанные с благотворительной помощью палестинским беженцам: “Начиная с тех пор, как я принял ислам в 1977г., мне стали приписывать дела, о которых я не имею даже малейшего представления... Тот факт, что я сочувствую всем тем, кто страдает от оккупации, тирании, бедности или войны из соображений гуманности, не имеет никакого отношения ни к политике, ни к терроризму”. Последний визит музыканта в США в сентябре 2004г. закончился выдворением его на родину после унижительного многочасового допроса агентами ФБР. (“Завтра”. 2004. №42. С.6).

Основной тезис сводится к “прямой линии”, якобы соединяющей Коран и Сунну с терроризмом. Согласно данному толкованию, зло было заложено в самом акте исламского творения. Тем самым выдвигается априорная связь между Кораном и самопроизвольной радикализацией исламского мира.¹¹ Из рассмотрения исключаются важнейшие параметры развития—альтернативы, поворотные моменты, феноменологические проявления, пограничные казусы. Они подменяются заданностью, приклеиванием ярлыков, телеологией. Так формируется тезис о мусульманском духе, навязывающем свою “террористическую и деспотическую логику” «гуманному» Западу и «беззащитной» демократии.¹²

Удивительно, но черты антиисламской академической наставительности просматриваются в последних работах таких российских учёных, как Алексей Малашенко и Алексей Васильев.¹³ Пытаясь уловить ритмы и темпы активизации исламского мира и причины его “перегрева” на рубеже 20 и 21 столетий, авторы задаются вопросом: “В чём опасность исламизма?”. Сама постановка такого вопроса вновь демонстрирует отношение к исламу как к противнику. К сожалению, в их работах нет постановки другого важного вопроса: “В чём причина радикального ислама?”, ответ на который нужен уже сегодня. В конечном счёте в рассуждениях уважаемых учёных на данную тему речь идёт о зловещей и неизменной линии развития ислама, которая ассоциируется с антимодернизмом. Весь исламский мир рассматривается как непроходимый модернизационный тупик, порождённый большим зародышем исламской традиции.

Наиболее ярким примером экспертной исламобоязни является культурологически расцвеченная, но содержательно запутанная (вплоть до провокационности) концепция «Русского ислама» Сергея Градиловского. Основное подозрение вызывает его вывод о том, что “...мусульмане занимают ведущие посты в федеральных СМИ, где они выражают точку зрения ислама на целый ряд политических событий, в том числе международных”.¹⁴

¹¹ Типичный пример—суждения известного диакона Андрея Кураева: “Может быть, терроризм—это следствие искажённого понимания Корана. Но ведь именно Корана, а не книги о Винни-Пухе. И у истоков этого искажения стоят учёнейшие исламские мужи (улемы), а не безграмотные арабские скинхеды. Исламский мир роднят с миром террора не плохие ученики, а отменные и популярные учителя!.. При таких масштабах террористическая проповедь—это болезнь уже всего исламского сообщества”. (А. Кураев. Как относиться к исламу после Беслана?// Известия. 2004. 15 сентября).

¹² В своё время американский учёный С. Коэн дал живое описание антикоммунистического синдрома, царившего в американской советологии во времена “холодной войны”. Там также доминировало прямолинейное убеждение о том, что марксистский зародыш породил зрелый тоталитаризм советского образца. (См. С. Коэн. Переосмысливая советский опыт. Wenson: Chalidze Publications, 1986. С. 11-47).

¹³ А. Малашенко. Исламизм на все времена// Свободная мысль-XXI. 2004. №12; А. Васильев. От рассвета до заката? Экстремизм как проявление кризиса цивилизации// Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. 2005. №6(820). 11 февраля. С.13. Аналогичные настроения просматриваются в работах А. Игнатенко (Игнатенко А.А. От Филиппин до Косово: исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор// Независимая газета. 2000. 12 октября; А. Игнатенко. Расколота умма в ожидании Судного дня// Отечественные записки. 2003. №5(14).

¹⁴ В качестве примера приводится Орхан Джемаль, зав. отделом политики “Новой газеты”, а также Союз мусульманских журналистов, который возглавил Али-Вячеслав Полосин. (С. Градиловский. Культурное пограничье: русский ислам// Государство и антропоток. Альманах. Центр стратегических исследований ПФО. 2002. <http://antropotok.archipelag.ru/text/a258.htm>). Не менее провокационно звучит вывод другого эксперта—специалиста международной общественной организации “Центр стратегических и политических исследований” Константина Полякова о том, что

Как же тогда понимать утверждение Градировского о том, что “легко считывается отчуждённость многих мусульман от смыслов российской государственности”? При этом, констатируя нарастание настороженности обеих сторон (тех, кто относит себя к исламу, и тех, кто не ассоциирует себя с исламом) друг к другу, автор вновь делает странное заключение о “появлении своеобразного “культурного буфера”, позволяющее создать пространство комплементарности”—между русской культурой и исламской культурой—в России.

Излишняя нервозность автора и путанность его суждений лишь подчёркивают существующее напряжение в отношении данной проблемы.¹⁵ При ближайшем рассмотрении идея «русского ислама» представляет собой серию нарочито громких политических демонстраций и пиаровских эффектов под авангардными вывесками. Так, тезис С. Кириенко о “мирном сосуществовании” между основными религиями в России¹⁶ облекается “методологами” из ЦСИ в экстравагантные заключения в духе вышеупомянутых суждений о “взаимной аккультурации русской и исламской культур”, “диалоге с исламом в культурном пространстве”, необходимости “проработки онтологических оснований союза” и прочие бесплодные сентенции¹⁷

При этом вся хитрость подобных политтехнологий заключается в том, что они уводят от проблемы актуализации политических интересов российских мусульман. Представляя собой другую крайность исламобоязни, данный подход отражает тактическое желание российской экспертной и политической верхушки задобрить мусульманскую общественность красивыми формулировками. Неудивительно, что сторонники ислама встретили данную политтехнологию с недоверием, а противники и вовсе расценили её как PR-провокацию.¹⁸

Вышеуказанные публичные, экспертные и рекламные технологии не дают ответа на вопрос: почему ислам в его обновлённой, в том числе радикальной форме оказывается привлекательным для широких масс? Ведь экстремизмом нельзя адекватно объяснить то, что социологи называют социальными проблемами. Находят ли люди в “исламском порядке” альтернативу “демократии по-русски”¹⁹ (“по-узбекски”, “по-киргизски”, “по-афгански” и т.д.) как самому большому заблуждению в своей истории?

“представители мусульманской общины постепенно входят в политическую элиту России, выражая более или менее адекватно социально-экономические и соответствующие им политические интересы части электората”.(К. Поляков. Арабо-мусульманское влияние на ислам в России: проблемы и противоречия (90-е годы 20 в.). В: Угроза ислама или угроза исламу? Материалы международной конференции 28 июня 2001г. М.: Арктогея-центр, 2001. С.147).

¹⁵ В данном случае картина будет неполной, если не сказать о том, что работа С. Градировского написана в артистическом темпе “культурологической” школы П. Щедровицкого. Данная школа в последние годы работает в виде Центра стратегических исследований (ЦСИ), осуществляя экспертное обслуживание Приволжского федерального округа (См. более подробно: G. Sharafutdinova and A. Magomedov. Volga Federal Okrug. In: The Dynamics of Russian Politics. Putin’s Reform of Federal-Regional Relations. Vol.1. Ed. by Peter Reddaway and Robert Orttung. Lanham: Rowman and Littlefield, 2004. P.153-187.

¹⁶ Д. Глинский. Указ. соч. С.22.

¹⁷ С. Градировский. Указ. соч.

¹⁸ «Русский ислам» наступает. См. ПОЛИТИНФО; Капитуляция МИДа перед «русским исламом». Пресс-служба «Единого Отечества». (Ислам_Ru. htm 7.11.2005).

¹⁹ «Демократия по-русски» понимается здесь как переходная государственность с чертами подчинённой культуры, дезорганизованного социума и повреждённой власти.

Всё это говорит о том, что российское академическое сообщество до некоторой степени испытывает чувство отчаяния, пытаясь оценить и измерить проявления современного исламского возрождения. Мэру этого отчаяния выразил главный редактор журнала «Отечественные записки» Виталий Куренной, заявивший, что по мере своего познания ислам всё больше обнаруживает качества «ускользающего объекта».²⁰

Как видим, налицо факт не только политического, но и интеллектуального замешательства российского общества перед Исламом. К сожалению, последние события в России оставляют мало оптимизма в отношении перспектив взаимопонимания между мусульманами и российским правящим классом.

После нальчикской трагедии в октябре 2005г. в России начался новый виток демонизации Ислама, сопровождаемый политическими провокациями, силовым давлением, вплоть до арестов, избиений и пыток.²¹ Подобная практика уже привела к настоящей войне между силовыми структурами и радикальной мусульманской молодёжью в Дагестане.

Тревожные ожидания, связанные с дальнейшей эскалацией политических репрессий против так называемого «радикального ислама»²², делают изучение мусульманского феномена в «демократической» России поистине неотложной задачей.

²⁰ В. Куренной. Ускользящий предмет// Отечественные записки. 2003. №5 (14).

²¹ Дело дошло до того, что 400 мусульман Кабардино-Балкарии обратились к Владимиру Путину с просьбой о содействии в выезде за пределы России « в связи с массовыми нарушениями конституционных, гражданских и религиозных прав». (Ислам. Ру 26. 10. 2005). Этот эпизод напоминает худшие времена российской колониальной политики на Кавказе в 19 веке, когда десятки тысяч адыгов (черкесов) вынуждены были покинуть родные места.

²² Эту тенденцию уловили даже правозащитные организации, от «Мемориала» до «Гражданского содействия» и Совета Европы.